

Вопросы эпиграфики

Выпуск X

Университет
Дмитрия Пожарского

Печатается по решению Учёного совета Университета Дмитрия Пожарского

Редакция: А. Г. Авдеев (к.и.н., доцент, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского, школа «Интеллектуал») (ответственный редактор), Д. В. Вальков (Д. В. Вальков (к.и.н., институт Мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова), А. Ю. Виноградов (к.и.н., доцент, Исторический факультет НИУ–ВШЭ), А. А. Гиппиус (член-корреспондент РАН, профессор, Школа филологии, НИУ–ВШЭ), Д. В. Деопик (д.и.н., профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского), И. В. Зайцев (д.и.н., проф., Государственный музей искусства народов Востока, Москва), И. В. Кормушин (д. филол. наук, Институт языкознания РАН), С. М. Михеев (к.и.н., ст. научн. сотр., Институт славяноведения РАН), Т. В. Рождественская (д.филол.н., профессор, СПбГУ), А. В. Сафронов (к.и.н., доц., Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю. М. Свойский (со-основатель Лаборатории RSSDA, сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ), М. Ю. Ульянов (к.и.н., доцент, заведующий кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова), М. А. Чегодаев (к. искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского)

Корректор к. филол. н. О. А. Горелова

Электронный адрес издания: avdey57@mail.ru.

Editorial staff: A. G. Avdeev (Ph.D. of History, associate professor, Orthodox St. Tikhon's University, University of Dmitry Pozharsky, middle school "Intellectual") (associate editor), M. A. Chegodaev (Ph.D. in Art history, senior research fellow, the State Institute of Fine Arts, research fellow, University of Dmitry Pozharsky), D. V. Deopik (D.Ph., Doctor in History, Full professor of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University, Orthodox St. Tikhon's University, University of Dmitry Pozharsky), A. A. Gippius (corresponding member RAS, full professor, School of Philology, National Research University "Higher School of Economics"), I. V. Kormushin (D.Ph., Doctor in Philology, Full professor, Institute of Linguistics, RAS), S. M. Mikheev (Ph.D. of History, senior research fellow of the Institute of Slavic Studies, RAS), T. V. Rozhdzhestvenskaja (D.Ph., Doctor of Philology, Full professor of the St. Petersburg State University), A. V. Safronov (PhD of History, associate professor, of the History Faculty, Moscow State Lomonosov University), Yu. M. Svoyski (Co-founder of RSSDA Laboratory, researcher at the Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University "Higher School of Economics"), M. Yu. Ulianov (Ph.D. in history, associate professor, head of the Department of Chinese philology at the Institute of Asia and Africa of Lomonosov Moscow State University), D. V. Valkov (Ph.D. in History, Institute of World Culture Moscow State Lomonosov University), A. Yu. Vinogradov (Ph.D. in History, associate professor of the History Faculty, National Research University "Higher School of Economics"), I. V. Zaytsev (D.Ph., Doctor in History, full professor, Museum of Oriental Art, Moscow).

The proof-reader Ph.D. in philology O. A. Gorelova

E-mail address of the edition: avdey57@mail.ru.

Вопросы эпиграфики. Выпуск 10. [Сб. ст.] / Университет Дмитрия Пожарского / Отв. ред. А. Г. Авдеев. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. — 528 с., ил.

ISBN 978-5-91244-261-2

ISSN 2079-2441

Сборник состоит из шести разделов. В первом разделе, «Из истории письма», публикуется статья о принципах разделения письменности на логографию и идеографию. Во второй раздел, «Эпиграфика Востока», включены статьи, посвященные китайской и османской эпиграфике. В третьем разделе публикуются статьи по христианской и мусульманской эпиграфике Кавказа. Четвёртый раздел включает статьи по западноевропейской эпиграфике Средневековья и раннего Нового времени. Пятый раздел посвящён русским надписям XI–XIX вв., а также современным методам их изучения. В шестом разделе помещены рецензии на книгу об амфорах из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника и краткий библиографический указатель монографий и сборников статей по эпиграфике, изданных в России в 2016–2018 гг.

ISBN 978-5-91244-261-2

ISSN 2079-2441

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2019

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя сборник является юбилейным — десятым с начала выпуска «Вопросов эпиграфики» в 2006 г. В нём, помимо российских специалистов, представляющих различные научные учреждения, музеи и вузы страны, приняли участие исследователи из зарубежных стран — Белоруссии и Германии, а также впервые — из Сербии.

В сборнике шесть разделов. В первый раздел, «Из истории письма», вошла статья сербского специалиста В. Станишича о разделении на логографию и идеографию и ассоциативности графического знака. Во второй раздел, посвящённый эпиграфике Востока, вошли статья М. С. Целуйко и Ю. М. Свойского (Москва) с публикацией одной китайской надписи из Монголии, а также совместная статья И. В. Зайцева и В. Н. Чхаидзе (Москва), посвящённая османской эпиграфике Тамани. В третьем разделе — «Эпиграфика Кавказа» — представлена статья Г.-Р. А.-К. Гусейнова (Махачкала) о грузинографических христианских надписях Аварии и публикация ногайских эпитафий Северного Дагестана, выполненная В. О. Бобровниковым и А. А. Ярлыкаповым (Москва). В четвёртом разделе публикуются статьи о памятниках западноевропейской эпиграфики Средневековья и раннего Нового времени — Д. В. Валькова (Москва) о связи итальянских надписей с источниками воды и Т. В. Божко (Гродно, Беларусь) о взаимоотношениях эпитафии и панегирика в XVII в. Самый обширный, шестой, раздел сборника посвящён русским надписям в хронологическом диапазоне от XI до XIX в. Открывает раздел статья А. Г. Авдеева и Ю. М. Свойского (Москва) о современных компьютерных методах документирования эпиграфических памятников Московской Руси. Статья И. В. Калечиц (Минск, Беларусь) посвящена предварительным итогам изучения граффити из Спасо-Преображенского собора в Полоцке; статья В. Е. Коршуна (Москва) посвящена молитвенным текстам на нательных крестах. В двух статьях, написанных А. Г. Авдеевым и Г. Г. Донским (Москва) исследуются эпитафии из пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря. К. Ю. Низамутдинов (Домодедово, Московская обл.) даёт информацию о надгробных памятниках, исследованных на уникальном сельском некрополе XVI–XVIII вв. —

погосте Лобаново в совр. Домодедовском районе Подмосковья. Статья В. В. Алексеева посвящена прокламационным надписям эпохи Отечественной войны 1812 г. Завершает раздел статья В. В. Хухарева (Киров, Калужская обл.) с публикацией стихотворной эпитафии из часовни-памятника в селе Песоченский Завод (совр. Калужская обл.). В шестом разделе публикуется рецензия Н. В. Ефремова (Грайфсвальд, Германия) на публикацию амфор из коллекции Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, осуществлённую антиковедами заповедника и Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Завершает раздел краткий библиографический указатель монографий и сборников статей по эпиграфике, изданных в России в 2016–2018 гг.

Мы приглашаем к сотрудничеству в следующих выпусках сборника специалистов, работающих в различных отраслях эпиграфической науки.

РАЗДЕЛ I

ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМА

Разделение на идеографию и логографию и вопрос об ассоциативности графического знака¹

В. Станишич

В данной статье автор продолжает тему, затронутую в некоторых предыдущих работах, — вопрос вытеснения термина *идеография*, который во второй половине XX в. стал заменяться термином *логография*. Автор пришёл к выводу, что разграничение этих терминов может быть полезным для типологии письма и что их можно разделить на основе ассоциативности — оппозиции по мотивированности графического знака.

Ключевые слова: *идеография, пиктография, логография, морфология, аккадограммы, китайское письмо, тангутское письмо.*

Письмо и язык — это две совпадающие знаковые системы. Одной из самых значительных характеристик, их объединяющих, является известная «двухсторонняя артикуляция», которую в языковой системе дефинировал А. Мартинэ². Подобно тому как язык представляет собой отношение между звуком и мышлением, фонетикой и семантикой, такое же отношение находим и в письме, чья типологическая классификация основана именно на разделении между звуковым и понятийным типами письма³. Однако, в отличие от языка, в науке о письме эти два плана традиционно противопоставлены, так что отдельный тип

¹ Данная статья написана на основе доклада, прочитанного на IX международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, МГУ, 26–28 сентября 2017 года).

² Rogers H. Writing systems: a linguistic approach. Oxf., 2005. P. 269.

³ Станишић В. Типолошка проблемatika класификације система писма // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Т. XLV. № 1–2. Нови Сад, 2002. С. 43.

письма помещается либо в один, либо в другой план. Причиной этого является известная амбивалентность самого письма, которое в равной мере зависит и от языковых, и от культурно-исторических обстоятельств. При этом такое разделение имеет и эволюционную характеристику, если иметь в виду, что древнейшие письменности мира были понятийными, в то время как сегодня единственным таким письмом осталось китайское. Данный факт как будто указывает на постепенное согласование между графическим и звуковым планами. Иными словами, преобладает убеждение, что письмо сначала появилось как культурно-исторический феномен, и только со временем стало усовершенствованным средством человеческого общения, которое компенсирует ограниченности языка во времени и пространстве⁴.

Противопоставление этих двух планов поощрило дискуссии о природе связи между письмом и языком. Общепринято мнение, что письмо является системой визуального (графического) общения, но не все согласны в понимании способа его функционирования. Мнения исследователей по поводу того, является ли понятийное письмо равноценным средством графической коммуникации, расходятся. Отсюда происходят и крупные различия в именовании и дефинировании этого типа письма, которое частично или в целом помещается в предписьменность.

Желание провести терминологическое разграничение между рисуночными системами, которые можно только условно понять и толковать и которые чаще всего называются *пиктографией*, и древними письменностями с богатой литературной традицией, привело к тому, что иероглифические письменности стали называться *логографией*. Данный термин был введен в научный оборот в первой половине XX в. вместо идеографии и иероглифики, двух старых названий, которые сегодня стали считаться недостаточно точными и даже недостаточно научными обозначениями этого типа письма.

В то время как название *иероглифическое письмо* всё ещё можно встретить как неформальный технический термин, используемый, подобно переносу греческого термина «*алфавит*», для всех типов

⁴ Более подробный обзор этого вопроса см.: Станишић В. Писмо као «визуелни говор» и проблем његовог дефинисања // Научни састанак слависта у Вуковце. МСЦ. Т. 38. № 3 (2008). Београд, 2009. С. 81–90.

фонемного письма, *идеография*, которая по своему значению может охватывать и пиктографию, оказалась под ударом во многих современных исследованиях о письме. Одна из главных причин состоит в том, что данное понятие не укладывается хорошо в традиционное представление об эволюционном развитии письма, так как его невозможно легко отграничить от пиктографии.

Трудности в определении места идеографии в типологии письма отражают традиционную картину развития письма, типичную для европейской науки середины XX в. Главное недоразумение, очевидно, заключается в утверждении, что идеография может представлять собой эволюционную стадию письма, на которой сообщение передаётся непосредственно, без опоры на язык. В первой половине XX в. происходит постепенное сужение понятия «идеография», которое в буквальном смысле стало означать «письмо идей», и его противопоставление «письму слов». Мотивация для такого переименования находится, очевидно, в настаивании на эволюционном привязывании письма к языку. В течение первой половины XX в., в работах выдающихся специалистов того времени — например, у А. Фалькенштейна, Г. Йенсена, И. Фридриха, Ж. Феврие, понятие идеографии постепенно начало ограничиваться только буквальным значением «письмо идей» (*Ideenschrift*) и противопоставляться «письму слов» (*Wortschrift*).⁵ Данное противопоставление в 1961 г. принял и советский исследователь В. А. Истрин, заявив, что «назрела» необходимость нового понимания отношений между двумя стадиями понятийного письма и замены «неподходящего» термина «*идеография*» «письмом слов» или *логографией*⁶. Сокращение идеографии на пиктографию в этом контексте можно видеть также у А. М. Кондратова, который в данном контексте различил «два типа пиктограмм», перенеся содержание и смысл идеографии на пиктографию только из-за её принципа непосредственного визуального сообщения⁷.

⁵ Фридрих И. История письма / Пер. с нем., вступ. статья и комм. И. М. Дьяконова. М., 1979. С. 36–42; Гельб И. Е. Опыт исследования письма. Основы грамматологии / Пер. с англ. Л. С. Горбовицкой и И. М. Дунаевской. Под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М., 1982. С. 109; Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. С. 98.

⁶ См.: Истрин В. А. Развитие письма... С. 30–31.

⁷ Кондратов А. М. Письмена мертвые и живые. СПб., 2007. С. 27–42.

Эти идеи сильно повлияли и на создателя современной теории письма, Дж. Гельба, который в своей знаменитой книге о письме абсолютизировал разграничение между буквальным (примитивным) рисуночным письмом и сложным рисуночным письмом, основанном на языке, которое, как тогда было принято считать, должно представлять промежуточное звено к слоговому письму (в терминологии Дж. Гельба «логосиллабическое»). Заметив при этом, что *пиктографию* всё же невозможно полностью отнести к «одним идеям» и что этот термин «только вводит в заблуждение» (очевидно, вследствие невозможности разграничения пиктограмм и логограмм), Дж. Гельб устранил не только идеографию («которая стала прямо-таки одиозной в лингвистических кругах»), но и саму пиктографию, и вместо них предложил общее название «*семасиография*»⁸.

Под влиянием данной точки зрения понятие «идеография» во многих лингвистически ориентированных работах о письме со временем превратилось в графическое обозначение «голых идей», таких как знаки движения и другие чисто символические предписанные системы. Еще в 70-е гг. XX в. самый известный пример «выживания идеографии», по словам В. Брайса⁹, была сфера математики. Следовательно, от основной графической единицы понятийного письма идеограмма деградировала в абстрактные и внеязыковые графические средства, которые фактически не являются составной частью письменных знаков.¹⁰ Данный подход можно считать своеобразным результатом графо-лингвистического взгляда на письмо, который формировался во второй половине XX в.

Авторитет Дж. Гельба в таком стадийном разграничении «примитивной семасиографии» или «письма рисунков», и «настоящего письма» или «письма слов», привёл к абсолютизированию звукового ребуса как эволюционного скачка в истории письма¹¹. Согласно дан-

⁸ См.: Гельб И. Е. Опыт исследования... С. 43–44, 184.

⁹ Brice W. C. The principles of non-phonetic writing // Writing without letters / Haas W. (ed.). Manchester, 1976. P. 41.

¹⁰ Об этом см. Станишић В., Комуникативна улога писма // Теолингвистичка проучавања словенских језика САНУ. Одељење језика и књижевности. Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија. Књига 5. Београд 2013. С. 496.

¹¹ French M. A., Observations on the Chinese script and the classification of writing systems // Writing without letters / Haas W. (ed.). Manchester, 1976. 1976. P. 106; Кондратов А. М. Писмена мертвые и живые... С. 47; Fischer S. R., A History of Writing. L., 2001. P. 13.

ной точке зрения, такой эволюционный скачок происходил в истории письма «только три раза»: на древнем Ближнем Востоке, в Китае и в Мезоамерике. И в каждом случае это было открытие принципа ребуса, который привёл к появлению подлинного письма, а именно отделению знака от его первобытного рисуночного значения, и к установлению связи со звуками, которыми именуются определённые понятия¹². Утверждение о «тройном происхождении ребуса» является преобразованием моногенетической теории Гельба о том, что Месопотамия была колыбелью письма в подлинном смысле слова, т. е. колыбелью ребуса.¹³ В сущности, указанное утверждение было вынуждено уважить факт, что и Центральная Америка имела автохтонную и настоящую письменность.

Однако, как это разъяснил И. М. Дьяконов в критическом комментарии к русскому изданию монографии Дж. Гельба, в какой бы словесной форме ни воспроизводилось сообщение, оно всегда бывает рассчитано на передачу средствами определённого языка. Поэтому там, где появятся трудности в передаче необходимой ассоциации с помощью рисунка предмета, «даже и на самой ранней стадии предписьменности, можно прибегнуть к способу ребуса»¹⁴. Точно такое утверждение было уже высказано И. Фридрихом, но и его слова, кажется, остались практически без отклика в работах о письме.¹⁵

¹² Unger M. J., De Francis J., Rejoinder to Geoffrey Sampson «Chinese script and the diversity of writing systems» // *Linguistics*. 1994. Vol. 32/3. P. 549–550. См. также Unger M. J. *Ideogram: Chinese Characters and the Myth of Disembodied Meaning*. Honolulu, 2004. P. 21.

¹³ Ср. так же Fischer S. R. *A History of Writing...* P. 27–36, Кондратов А. М. Писмена мёртвые и живые... С. 47–54.

¹⁴ Дьяконов И. М. Комментарий // Гельб И. Е. Опыт исследования письма. Основы грамматики. Пер. с англ. Л. С. Горбовицкой и И. М. Дунаевской. Под ред. и с предисл. И. М. Дьяконова. М., 1982. С. 293–295.

¹⁵ Среди малочисленных исследователей письма лингвистической ориентации, которые критически отнеслись к ограничению идеографии «голыми идеями», можно упомянуть напр. Н. Л. Сухачёва (Эксперименты в историю письма. Знак и значение. М., 2010. С. 41) и Л. Л. Фёдорову (История и теория письма. М., 2015. С. 488–498), которые в этом вопросе разделяют мнение И. М. Дьяконова. В таком же ключе высказывается и Ф. Кулмас (*Coulmas F. Writing Systems. An introduction to their linguistics analysis*. Cambr., 2003. P. 41), который напомнил, что «в тройном отношении между объектами, понятиями и словами невозможно осмыслить письменную систему, которая бы опиралась только на понятийный план, независимо от языка; те, которые говорят об идеографическом письме,

Эти три элемента — изображение конкретного посредством рисунка, описание абстрактного посредством символической ассоциации, передача звучания звуковым ребусом — наблюдаются, по словам И. Фридриха, в самых различных системах письма самых различных районов Земли в самые различные исторические эпохи¹⁶. Они представляют основу рисуночной письменности и повсюду могут рассматриваться как самостоятельное творение. Таким образом, можно считать доказанным, что звуковой ребус не является никаким переломным моментом в развитии письма, а универсальной особенностью рисуночного письма, логичной связью между письмом и языком, которая опирается на универсальности человеческого способа мышления и выражения.

Следовательно, рисунок по самой своей природе коммуникативен ассоциативно, а это может быть и семантически, и фонетически. Различия между этими его функциями предсказаны не типом письма, а типом культуры, в которой он существует. При этом важно, что сохранение изобразительной мотивированности является опорой разграничения между типами письма. Так например, различие между китайским знаком для «солнца» 日 и английским знаком «ampersand» & огромное. В то время как второй знак является действительно логограммой, означающей фразу «and per se and», первый знак содержит в себе пучок ассоциативных понятий, связанных с солнцем. Для такого типа письма с визуально мотивированными знаками употребляются различные названия: *семасиография* или *семантография*, и даже *логография* и *морфография*, но только термин *идеография* свидетельствует о том, что это *ассоциативное письмо*, которое может быть связано с конкретным языком, когда в этом появится потребность. Именно данная описательная ассоциативная природа отделяет идеограмму не только от логограммы, но и от абстрактных математических символов, которые старше и письма, и цивилизации.

Описанные характеристики идеограммы позволяют провести иной тип разграничения между идеографией и логографией, учитывая факт, что логограмма является семантической связью со словами

не подразумевают обязательно, что письмо идеями вообще возможно», <...> а только то, что центр тяжести в определённой системе находится в языковых единицах более высокого уровня, чем звуковой план».

¹⁶ Фридрих И. История письма... С. 44.

определённого языка, а идеограмма представляет собой визуальную ассоциацию с рисунком.

Иллюстративной, в данном контексте, является ситуация в письменностях китайского культурного круга. Прежде всего, показателен вопрос структуры самого китайского письма. Каждый знак, международными техническими названиями которого обычно выступают *синограмма* или *карактер*¹⁷, обозначает некий семантический концепт — идейную ассоциацию, слово или морфему. Нет согласия, однако, по поводу содержания этого концепта. Ответы на вопрос, чему на самом деле соответствует знак китайского письма, находятся в узкой связи с пониманием природы и структуры рисуночных письменностей и, в конце концов, с вопросом типологического статуса этих письменностей. В первой половине XX в. преобладало мнение о том, что графический знак рисуночных письменностей может соответствовать любому из трёх упомянутых семантических концептов. Во второй половине столетия преобладало отдельное привязывание графического знака лишь к одному из этих трёх концептов. Очевидно, это отражение представлений преобладающего эволюционизма в науке о письме, согласно которому буквальная идейная ассоциация рисуночного знака принадлежит предписьменной стадии, в то время как в основе знака настоящего письма должны находиться языковые единицы: слово или ещё точнее — морфема.

Название «идеограмма» в обозначении китайских знаков в англоязычной литературе сегодня можно встретить почти только в применении к категории *индикаторов* (指事 *zhǐ shì* буквально «указатели вещей»), которые, например, трактуются как «идеодетерминативы» или «Self-explanatory Characters»¹⁸ как раз в тех школах, в которых идеография отнесена к первобытным и примитивным коммуникативным средствам и в которых идеограмма стала синонимом для чисел. Кроме числовых знаков, эту категорию главным образом составляют

¹⁷ Стандартное название в большинстве западноевропейских языков, которое, вследствие его многозначности, необходимо уточнить, например, англ. *Chinese characters*; исключением является русская терминология, в которой термины иероглифика / иероглиф сохранились как технические названия для данной системы письма.

¹⁸ The Wisdom of Chinese Characters, Beijing language and culture / Shi Dingguo, Luo Weidong (eds.). Beijing, 2009. P. 43.

пиктограммы с диакритиками — в которых диакритика привнесла дополнительное значение, указывая на какую-нибудь важную деталь — такие как 曰 *yuē* «говорить» (рот 口 с индикатором, который указывает на источник речи), 本 *běn* «корень, первоисточник» (дерево 木 с индикатором /диакритикой/, который указывает на его корень).

Как известно, в самом китайском письме существует категория т. н. «соединённых идей» — 會(会)意 *huì yì*, представляющая собой сочетание пиктограмм на основании их возможных ассоциативных связей. При этом сложный знак связан только со значением, но не и с произношением знаков, из которых он составлен. Напр. 男 *nán* «мужчина» (田 *tián* «поле» + 力 *lì* «сила»), или 好 *hǎo* «хорошо» (女 *nǚ* «женщина» + 子 *zǐ* «ребёнок»). В русской терминологии эта категория вполне логично называется *идеограммой*, в то время как в западноевропейской, главным образом англоязычной, литературе по уже упомянутым причинам этот термин обходится, так что данная категория обычно называется *ассоциативные сочетания*, *смысловые сочетания* или даже *логические агрегаты* («logical aggregates»). Как и предыдущая, и эта идеографическая модель имеет древние ближневосточные параллели. Вопреки этому, специалисты, которые изгоняют идеографию из круга систем настоящего письма, как правило, настаивают на вторичном и искусственном характере данной категории¹⁹. По их мнению, она в основном возникла как переосмысление т. н. *фоносемантической* категории китайского письма, о которой речь пойдёт ниже.

Как хорошо известно, самую многочисленную категорию знаков, превышающую 90 % современного китайского письма, составляют *фоносемантические сочетания*, *фоноидеограммы* или *пиктофонетики*. Название данной категории 形聲 (声) *xíng shēng* свидетельствует о том, что она состоит из сочетания «формы» и «звука».²⁰ «Форма» является классическим логодетерминативом (в синологии «ключ», или «радикал»), в то время как фонетическая часть («фонетик») представляет собой классическое ребусное употребление пик-

¹⁹ См. Boltz W. Early Chinese Writing // The World's Writing Systems / Daniels P. T., Bright W. (eds.). Oxf., 1996. P. 197.

²⁰ Лян Дунхань. Структура китайской письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М., 1989. С. 349–350.

тограммы, указывающее на произношение сложного знака. Вопреки универсальному характеру всех этих категорий, существовавших во всех древних рисуночных письменностях, из преобладающе отрицательного отношения к идеографии и сведения понятия настоящего письма только к фонографии в современной науке о письме, появился экстремальный тезис о том, что *huì yì* категория является какой-то вульгарной этимологией, возникшей как переосмысление *xíng shēng* категории.²¹ Неоспорим факт, что рисунки из-за своей ассоциативной природы могут интерпретироваться по-разному, вследствие чего достаточно большое число знаков со временем изменило и первобытную структуру и первобытное значение. Однако отрицание идеографической природы категории *huì yì* пренебрегает самой ассоциативной природой рисунка. Для П. Будберга, который ещё в 30-е гг. XX в. отрицал равноправный письменный характер этой категории, равно как и для одного из выдающихся американских китаистов, В. Больца, придерживавшегося такого мнения во многих своих работах, концепт «соединённых идей» был по какой-то причине «слишком абсурдным, чтобы он был принят всерьёз»²². Это мнение всё же встретило серьёзную критику. Существуют доказательства существования данной категории в древнейшей стадии письменности — в надписях на гадательных костях²³. Средневековые китайские словари содержат также

²¹ Cp. Boltz W. Early Chinese writing // World Archaeology. 1986. Vol. 17. P. 429–432; Boltz W. The Origin and the Early development of the Chinese Writing System // American Oriental Society. 1994. Vol. 78; Keightley D. N. The origins of writing in China: Scripts and cultural contexts // The Origin of Writing. Lincoln, 1989. P. 190; Rogers H. Writing systems... P. 36–37; Joyce T. The significance of the morphographic principle for the classification of writing systems // Written language & Literacy. 2011. Vol. 14:1. P. 14; Galambos I. Popular Character forms (*súzi*) and Semantic compound (*huiyi*) characters in Medieval Chinese manuscripts // Journal of the American Oriental Society. 2011. Vol. 131/3. P. 395.

²² См.: Sampson G., Chen Zhiquan. The reality of Compound ideographs // Journal of Chinese Linguistics. 2013. Vol. 41. № 2. P. 263.

²³ Bottéro F. Writing on shell and bone in Shang China // The First Writing. Script Invention as History and Process. Cambr., 2004. P. 253; Sampson G., Chen Zhiquan. The reality of Compound ideographs... P. 265. С новейшими данными о происхождении и характере древнейшей системы китайской письменности читатель может ознакомиться на страницах сборников «Вопросов эпиграфики»: Деоник Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии: Тексты и связанные с ними знаки письма // ВЭ. Вып. V. М., 2011. С. 7–118; Они же. Современные данные о древнейших письменностях

значительное число именно этой категории знаков и подтверждают, что она была одной из ключевых моделей, по которым люди тогда понимали структуру самого письма²⁴. Наконец, нельзя пренебрегать и тем фактом, что у большинства самих фоносемантических сочетаний есть кумулятивная природа — вследствие своего рисуночного характера фонетическая часть может содержать и ассоциативное, идейное сообщение. Вот несколько хорошо известных примеров:

а) примеры фоносемантической категории 形聲 (声), в которых фонетик может и семантически вписываться в основное значение синограммы: 忠 *zhōng* «преданный, посвященный» — сердце (чувства) 心 в средоточии 中 (фонетик *zhōng*): когда все сердце посвящено чему-то (в письме печатей); 怒 *nù* «бес, гнев, страсть» — раб 奴 сердца 心 (奴 одновременно и фонетик *nú* и семантик «раб[а]»): быть рабом своих страстей (в письме печатей .

б) немалое число синограмм классифицировано двояким образом — и как фоносемантические, и как ассоциативные сочетания: напр. 奴 *nú* «раб, слуга», изначально «раба»: женщина 女 (также фонетик *nǚ*) под рукой 又 (в надписях на бронзовых сосудах); 字 *zì* «письменный знак» — ребёнок 子 (фонетик *zǐ*) под крышей 宀 (в доме): в бронзовых надписях ; 幽 *yōu* «темно, тихо, одиноко, тонко» — дым, подобный шёлковой струне 𠂇 (фонетик *yōu*), поднимающийся из огня 火 (который позже был заменен символом горы 山 со значением далёкого, таинственного и незаселенного пространства): в костянных знаках .

В близкой связи с данным вопросом находится и проблема определения типологического статуса китайского письма. Как уже было сказано, настаивание на том, что знак рисуночных письменностей древних цивилизаций должен эволюционировать из простой идейной ассоциации в обозначение слов конкретного языка, обусловило во второй половине XX в. переименование термина *идеография* в *логографию*. Преследуя такую логику, некоторые специалисты

в Восточной Азии и связанных с ними знаках и текстах. Ч. 2 // ВЭ. Вып. VI. М., 2012. С. 205–250; *Они же*. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанных с ними знаках и текстах. Ч. 3 // ВЭ. Вып. VII: Материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики». Ч. 1. М., 2013. С. 15–103. *Отв. ред.*

²⁴ Galambos I. Popular Character... P. 395–404.

пошли ещё дальше, заявив, что, в соответствии с лингвистической классификацией письменных систем, название для данного типа письма должно было бы быть *морфография*, так как она, в отличие от логографии, имеет более лингвистическую подоплёку²⁵. В поддержку данного тезиса приводится и существование значительного числа многосложных слов современного китайского языка²⁶, вследствие чего его следует рассматривать отдельно от «одноморфемного древнего китайского»²⁷.

С этих позиций в конце XX ст. ряд лингвистов выступил против традиционного типологического разделения письменных систем на понятийное и звуковое письмо (семасиографию и фонографию) и семасиографию целиком отнесли к предписьменности²⁸. В первую очередь, ряд сторонников мнения о письме как «визуальной речи», начиная с Дж. Де Франсиса, автора одноимённой работы, в которой он выделил «письмо в подлинном смысле слова» (*pure writing*) среди остальных графических систем, не основанных на языке²⁹, вплоть до Г. Роджерса, повторившего в своей «лингвистически ориентированной» работе о письме заявление Де Франсиса и М. Унгера о том, что «каждое письмо имеет фонетическую основу и что семантически обоснованные системы письма фактически не существуют»³⁰.

В том же духе было предложено и соответствующее переименование логографии в *морфографию*, с желанием подчеркнуть, что она ориентирована на минимальные языковые единицы с самостоятельным значением³¹. Серьёзным возражением против данного аргумента является вопрос дефинирования самой логографии, которую, напри-

²⁵ Joyce T. The significance... P. 69–71.

²⁶ Kratochvil P. The Chinese language today. L., 1968. P. 199; Rogers H. Writing systems... P. 26–29.

²⁷ De Francis J. Visible Speech: The Diverse Oneness of Writing Systems. Honolulu, 1989. P. 336; Mair H. V. Modern Chinese Writing // The World's Writing Systems / Daniels P. T., Bright W. (eds.). Oxf., 1996. P. 201–202.

²⁸ Unger M. J., De Francis J. Logographic and semasiographic Writing systems: A critique of Sampson's classification // Scripts and Literacy. Reading and learning to read alphabets, syllabaries and characters. N.-Y., 1995. P. 45–58; Unger M. J. Ideogram... P. 26–32.

²⁹ De Francis J. Visible Speech...

³⁰ Rogers H. Writing systems... P. 270; Unger M. J., De Francis J. Logographic and semasiographic...

³¹ Rogers H. Writing systems... P. 272.

мер, П. Дэниелс и В. Брайт определяют как записывание значения, а не произношения морфемы³². Более того, этот, всё ещё преобладающий, логоцентричный взгляд на китайское письмо пренебрегает местом и ролью, которые синограммы имеют в китайском ментальном лексиконе. Они как раз не *логоцентричны*, а *графоцентричны*, потому что визуальная ассоциация со значением здесь является основным способом получения информации о языковых единицах³³.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нет оправдания для эволюционного разделения на идеографию (пиктографию) и логографию. Данное разграничение было мотивированно всё ещё преобладающей эволюционной концепцией, согласно которой логограмма возникла позднее, как семантическая связь со словами определённого языка, в то время как идеограмма представляет визуальную ассоциацию с рисунком. Невозможность их эволюционного разграничения была понятна уже Дж. Гельбу, который попытался оправдать различие между «письмом рисунков» и «письмом слов» переименованием логографии в логосилабическую письменность. Этим же была открыта возможность для иной функции *логограммы*. Она оказалась самым подходящим названием для языковой функции рисуночного знака, позволяющей лучше понять типологию отношений между языком и письмом в круге рисуночных письменностей. Конкретно, при определении египетской иероглифики как *логоконсонантного* письма (у Дж. Де Франсиса *морфоконсонантного*), раскрывается её особое положение по отношению к остальным рисуночным письменностям, которые являются как раз *логосилабическими*, в связи с чем доказывается не только автохтонное происхождение египетской письменности, но и египетское происхождение семитской письменности и её дериватов, включая алфавит.

Более того, логограммой можно назвать не только языковую функцию рисуночного знака. В некоторых случаях она может выступать и как самостоятельный графический элемент рисуночной письменности. Примером может служить хеттская клинопись, которую харак-

³² The World's Writing Systems... P. XLII; см. также: Joyce T. The significance... P. 70.

³³ Hshu-Kai Hsieh. Hanzi, Concept and Computation: A Preliminary Survey of Chinese Characters as a Knowledge Resource in NLP. Philosophische Dissertation angenommen von der Neuphilologischen Fakultät der Universität Tübingen am 06.02.2006 (Tübingen 10.04.2006). P. 53–56.

теризуют два типа семантических знаков: кроме шумерограмм как классических идеограмм, она имеет и *аккадограммы* — аккадские фонографические формы (слоговую запись) отдельных слов, которые в хеттском функционируют именно как *логограммы*:

шумерограммы	аккадограммы
 LUGAL <i>ḥaššuš</i> «царь» KUR <i>udnē</i> «гора»	 i-na <i>anda</i> «в» a-bu <i>attas</i> «отец»

Наконец, логограмма может стать и основным графическим элементом письменной системы, которую тогда с полным правом можно назвать логографией. Наглядный пример находим в одной из синиформных письменностей центральной Азии. В то время как киданский и джурдженский дериваты китайского письма находились на пути превращения в силлабарий, сохраняя при этом внешнюю графическую связь с китайским письмом, тангутское письмо с тысячами своих знаков сохранило как раз семасиографическую природу своего источника. Подобно китайскому письму, знаки тангутского письма означают соответствующие односложные морфемы тангутского языка, к которым даже можно применить основные каллиграфические стили китайского письма.³⁴ Существует, однако, крупное различие в типе семасиографии между тангутским и китайским письмами. Тангутское письмо не имеет пиктограмм — оно лишь имитирует форму китайских знаков, потому что в его основе не находится рисунок. Этой особенностью оно отличается не только от китайского письма, но и от всех известных рисуночных письменностей. Фактически, это единственное настоящее логографическое письмо, минимальными графическими единицами которого действительно являются *логограммы* — произвольные графические знаки, которые относятся к словам тангутского языка. Это письмо представляет собой важное доказательство того, что доминирующее

³⁴ Клосон Дж. Будущее тангутских исследований // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1976. С. 461–462; Kychanov E. I. Tangut // The World's Writing Systems / Daniels P. T., Bright W. (eds.). Oxf., 1996. P. 228.

именование рисуночных письменностей логографией — ошибочно. Все остальные семасиографические письменности имеют мотивированные рисуночные знаки, и логограмма в них является лишь языковой функцией пиктограммы.

Summary

V. Stanišić

Division on Ideography and logography and the question of associativity of the Graphic sign

Keywords: *ideography, pictography, logography, morphography, akkadograms, Chinese writing, Tangut script.*

In this article, the author continues the topic that he was previously working on — the question of displacement of the term *ideography*, which in the second half of the last century in many studies on writing was replaced by the term *logography*. With time, the author realized that the distinction between these terms can be useful for the typology of writing and that they can be divided on the basis of associativity — the opposition on the visual motivation of the graphic sign.

Библиография

Гельб И. Е. Опыт исследования письма / Под ред. и с предисловием И. М. Дьяконова. М.: Радуга, 1982. — 366 с.

Дьяконов И. М. Комментарий // Гельб И. Е. Опыт исследования письма / Под ред. и с предисловием И. М. Дьяконова. М.: Радуга, 1982 С. 293–305.

Истрин В. А. Развитие письма. М.: изд-во АН СССР, 1961. — 395 с.

Клосон Дж. Будущее тангутских исследований // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И. М. Дьяконова. М.: Прогресс, 1976. С. 460–473.

Кондратов А. М. Писмена мёртвые и живые. СПб.: Авалон / Азбука классика, 2007. — 254 с.

Лян Дунхань. Структура китайской письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. М.: Прогресс, 1989. С. 334–362.

Станишић В. Типолошка проблематика класификације система писма // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Т. XLV. Вып. 1–2. Нови Сад, 2002. С. 41–57.

Станишић В. Писмо као «визуелни говор» и проблем његовог дефинисања // Научни састанак слависта у Вукове дане, МСЦ (Међународни славистички центар) 38/3 (4–7. 9. 2008). Београд, 2009. С. 81–90.

Станишић В. Комуникативна улога писма // *Теолингвистичка проучавања словенских језика* / ур. Ј. Грковић-Мејџор и К. Кончаревић. САНУ, Одељење језика и књижевности. Српски језик у светлу савремених лингвистичких теорија. Књига 5. Београд, 2013. С. 491–502.

Суначёв Н. Л. Экскурсы в историю письма. Знак и значение. М.: ЛКИ (URSS), 2010. — 154 с.

Фёдорова Л. Л. История и теория письма. Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА / Наука, 2015. — 559 с.

Фридрих И. История письма / Пер. с нем., вступ. статья и комм. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1979. — С. 463.

Boltz W. Early Chinese writing // *World Archaeology*. 1986. Т. 17. Р. 429–432.

Boltz W. The Origin and the Early development of the Chinese Writing System // *American Oriental Series*. Vol. 78. New Haven: CT. American Oriental Society, 2003 P. 1–17.

Boltz W. Early Chinese Writing // *The World's Writing Systems* / Daniels P. T., Bright W. (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 1996. P. 191–199.

Bottéro F. Writing on shell and bone in Shang China // *The First Writing. Script Invention as History and Process* / Stephen H. D. (ed). Cambr.: Cambridge University Press, 2004. P. 250–261.

Brice W. C. The principles of non-phonetic writing // *Writing without letters* / Haas W. (ed.). Manchester: Manchester University Press 1976. P. 29–44.

Coulmas F. Writing Systems. An introduction to their linguistics analysis. Cambr.: Cambridge Univesity Press 2003. — 270 p.

De Francis J. Visible Speech: The Diverse Oneness of Writing Systems. Honolulu: Havaii Univesity Press 1989. — 336 p.

Fischer S. R. A History of Writing. L.: Reaktion Books. 2001. — 351 p.

French M. A. Observations on the Chinese script and the classification of writing systems // *Writing without letters* / Haas W. (ed.). Manchester: Manchester University Press, 1976. P. 101–129.

Galambos I. Popular Character forms (*súzi*) and Semantic compound (*huiyi*) characters in Medieval Chinese manuscripts // *Journal of the American Oriental Society*. 2011. Vol. 131.3. P. 395–409.

Hsieh Hshu-Kai. Hanzi, Concept and Computation: A Preliminary Survey of Chinese Characters as a Knowledge Resource in NLP / Philosophische Dissertation angenommen von der Neuphilologischen Fakultät der Universität Tübingen am 06.02.2006. Tübingen 10.04.2006.

Joyce T. The significance of the morphographic principle for the classification of writing systems // *Written language & Literacy*. 2011. Vol. 14:1. P. 58–81.

Keightley D. N. The origins of writing in China: Scripts and cultural contexts // *The Origin of Writing* / Senner Wayne M. (ed.). Lincoln: University of Nebraska, 1989. P. 171–202.

Kratochvil P. The Chinese language today. L.: Hutchinson University Library, Brill Academic Publishers, 1968. — 199 p.

Kychanov E. I. Tangut // *The World's Writing Systems* / Daniels P. T., Bright W. (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 1996. P. 228–230.

Mair H. V. Modern Chinese Writing // *The World's Writing Systems* / P. T. Daniels, W. Bright (eds.). Oxf.: Oxford University Press, 1996. P. 200–207.

Rogers H. Writing systems: a linguistic approach. Oxf.: Blackwell Publishing, 2005. — 322 p. (*Blackwell Textbooks in Linguistics*).

Sampson G., Chen Zhiquan. The reality of Compound ideographs // *Journal of Chinese Linguistics*. 2013. Vol. 41. № 2. P. 255–272.

Unger J. M., De Francis J. Rejoinder to Geoffrey Sampson «Chinese script and the diversity of writing systems» // *Linguistics*. 1994. Vol. 32/3. P. 549–554.

Unger J. M., De Francis J. Logographic and semasiographic Writing systems: A critique of Sampson's classification // *Scripts and Literacy. Reading and learning to read alphabets, syllabaries and characters* / Taylor I., Olson D. R. (eds.). N.-Y.: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 45–58.

Unger J. M. Ideogram: Chinese Characters and the Myth of Disembodied Meaning. Honolulu: University of Hawaii Press. 2004. — 196 p.

The Wisdom of Chinese Characters / Shi Dingguo, Luo Weidong (eds.). Beijing: Beijing language and culture University Press, 2009. — 327 p.

Содержание

Предисловие

3

Раздел I. ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМА

В. Станишич.

Разделение на идеографию
и логографию и вопрос об
ассоциативности графического
знака

7

Раздел II. ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

М. С. Целуйко, Ю. М. Свойский.
Китайская надпись у колодца
Дзун Билут

25

И. В. Зайцев, В. Н. Чхаидзе.
Османская эпиграфика Тамани

40

Раздел III. ЭПИГРАФИКА КАВКАЗА

Г.-Р. А.-К. Гусейнов.

К этноязыковой атрибутации
и хронологизации
позднесредневековой
и недатируемой
грузинографической православной
эпиграфики Аварии

59

Contents

Preface

3

Section I. HISTORY OF WRITING

V. Stanišić.

Division on Ideography and
logography and the question of
associativity of the Graphic sign

7

Section II. ORIENTAL EPIGRAPHY

Y. M. Svoyski, M. S. Tseluyko.
Chinese Inscription at the Well of
Dzun Bilut

25

I. V. Zaytsev, V. N. Chkhaidze.
Ottoman epigraphy from Taman

40

Section III. EPIGRAPHY OF CAUCASUS

G.-R. A.-K. Guseinov.

To the ethno-linguistic attribution
and dating of late medieval and not
dated georgian graphic orthodox
christian epigraphy of Avaria

59

В. О. Бобровников, А. А. Ярлыкапов.
Ногайские эпитафии Северного
Дагестана
85

Раздел IV.
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЭПИГРАФИКА
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К РАННЕМУ НОВОМУ
ВРЕМЕНИ

Д. В. Вальков.
Источник, колодец, фонтан
(заметки к средневековому
итальянскому материалу)
141

Т. В. Божко.
Эпитафия и панегирик
XVII века: соотношение
смысловых доминант
197

Раздел V. РУССКАЯ
ЭПИГРАФИКА
А. Г. Авдеев, Ю. М. Свойский.
Методы документирования
эпиграфических памятников
Московской Руси в рамках Свода
русских надписей (CIR)
229

И. Л. Калечиц.
Граффити Спасо-Преображенской
церкви г. Полоцка:
редварительные итоги изучения
261

V. O. Bobrovnikov, A. A. Yarlykapov.
Nogay Funeral Inscriptions of
Northern Dagestan
85

Section IV.
EUROPEAN EPIGRAPHY
FROM THE MIDDLE AGE TO
EARLY NEW TIME

D. V. Valkov.
Font, puits, fontaine (à propos
des particularités italiennes
médiévales)
141

T. V. Bozhko.
Epitaph and panegyric of the 17th
century: the relation of semantic
dominants
197

Section V. RUSSIAN
EPIGRAPHY
A. G. Avdeev, Y. M. Svoyski.
Methods of documentation
epigraphic monuments of Moscow
Russia in the framework of a Corpus
of Russian inscriptions (CIR)
229

I. L. Kalechits.
Graffiti Holy Transfiguration church
in Polotsk: preliminary results of the
study
261

<i>В. Е. Коршун.</i> Молитвенные тексты на нагельных крестах 281	<i>V. E. Korshun.</i> Prayer texts on pectoral crosses 281
<i>А. Г. Авдеев.</i> Гибель преподобного Корнилия Псково-Печерского: исторические источники и монастырские предания 370	<i>A. G. Avdeev.</i> Death of the Reverend Kornili Pskovo-Pechersky: historical sources and monastic legends 370
<i>А. Г. Авдеев, Г. Г. Донской.</i> Дата битвы на реке Вырке: традиционные источники и эпиграфика 394	<i>A. G. Avdeev, G. G. Donskoy.</i> The Date of the Battle of the Vyrka River: Traditional Sources and Epigraphy 394
<i>Д. А. Петров, М. В. Елифёрова</i> Монументальные надписи патриарха Филарета и титульная надпись на каменных блоках из Московского Кремля в контексте традиции устройства монументальных надписей в английской архитектуре времени Елизаветы I и Якова I 407	<i>D.A. Petrov, M.V. Yeliferova</i> The monumental inscriptions of Patriarch Filaret and the title inscription on stone blocks from the Moscow Kremlin in the context of the tradition of the use of monumental inscriptions in the English architecture of Elizabethan and Jacobean era 407
<i>К. Ю. Низамутдинов.</i> Комплекс намогильных плит XVI — первой трети XVIII вв. бывшего Покровского погоста у села Лобаново городского округа Домодедово 435	<i>K. Y. Nizamutdinov.</i> The 16 th — first third of the 18 th centuries gravestones' complex of the former Pokrovsky Pogost near Lobanovo village, Domodedovo district 435

В. В. Алексеев.

Прокламационные надписи
времён Отечественной войны
1812 года — специфические
свидетельства эпохи
454

В. В. Хухарев.

Мраморная плита с поэтической
эпитафией из часовни-памятника
близ храма Рождества Пресвятой
Богородицы в селе Песоченский
завод
466

Раздел VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. В. Ефремов.

Рец.: Монахов С. Ю.,
Кузнецова Е. В.,
Федосеев Н. Ф.,
Чурекова Н. Б.

Амфоры VI–II вв. до н. э. из
собрания Восточно–Крымского
историко-культурного
заповедника. Каталог. (Крым в
истории, культуре и экономике
России). Керчь; Саратов: Новый
проект 2016.
483

Монографии и сборники статей
по эпиграфике, изданные в России
в 2016–2018 гг. с дополнениями за
предыдущие годы.
Сост. А. Г. Авдеев
495

V. V. Alekseev.

Proclamation inscriptions of the
Patriotic war of 1812 — specific
evidence of the era
454

V. V. Khukharev.

Marble slab with poetic epitaph
from the chapel-monument near
the Church of the Nativity of the
Blessed Virgin Mary in the village
of Pesochensky Zavod
466

Section VI. Reports and communications

N. V. Jefremov.

Rec.: Монахов С. Ю.,
Кузнецова Е. В.,
Федосеев Н. Ф.,
Чурекова Н. Б.

Амфоры VI–II вв. до н. э. из
собрания Восточно–Крымского
историко-культурного
заповедника. Каталог. (Крым в
истории, культуре и экономике
России). Керчь; Саратов: Новый
проект 2016.
483

Monographs and collections of
papers to epigraphy edited in
Russia 2016–2018 with addenda for
previous years.
A. G. Avdeev
495

ПРИЛОЖЕНИЯ	APPENDICES
Краткие сведения об авторах	Short information about the authors
507	(in Russian)
	507
Short information about the authors	Short information about the authors
511	(in English)
	511
Список сокращений	Abbreviations (in Russian)
515	515
Abbreviations	Abbreviations
518	518
Содержание	Content
519	519